

СИДОРОВ Анатолий Станиславович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса института Государства и права Тюменского государственного университета, адвокат Тюменской межрегиональной коллегии адвокатов

Сидоров А. С.

К ВОПРОСУ О КАЧЕСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

В статье рассматриваются отдельные «ошибки» и «упущения», которые допускаются следователями в ходе расследования преступлений, и анализируются их причины. Автор приводит доводы в подтверждение позиции о том, что в большинстве случаев основной причиной, способствующей нарушениям действующего законодательства со стороны следователей, является ненадлежащий контроль и надзор за их деятельностью со стороны руководителей следственных органов, прокуроров и судов.

Ключевые слова: следователь, расследование преступлений, следственные ошибки, прокурор, суд.

SIDOROV Anatoliy Stanislavovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Law and Process sub-faculty of the Institute of State and Law of the Tyumen State University, an advocate of the Tyumen interregional Collegium of advocates

TO THE QUESTION OF PRELIMINARY'S QUALITY OF INVESTIGATION

The paper deals with certain "mistakes" and "inactions" made by investigators during investigative actions in the course of investigation of crimes, and analyzes their causes. The author gives arguments in support of the position that in most cases the main cause of contributing to the breach of law by investigators is improper control over their activities by the heads of investigative bodies, prosecutors and courts.

Keywords: investigator, investigation of crimes, mistakes in investigative proceedings, the Prosecutor, the court.

«Принципиальное и добросовестное исполнение служебных обязанностей позволяют всем работникам следственных органов успешно выполнять поставленные задачи по защите конституционных прав граждан и интересов общества, вести бескомпромиссную борьбу с преступностью»¹.

«Сотрудники Следственного комитета России, как представители силового ведомства, отчетливо осознают свое место и роль в решении государственных задач по поддержанию и укреплению законности и правопорядка»².

«Трудно переоценить значение деятельности Следственных органов. Ваша работа требует мужества, принципиальности и высокой ответственности за принятые решения. Именно благодаря вашему профессионализму повышается качество следственной работы, растет доверие граждан к службе структуры»³.

«Повысилось качество рассмотрения следственными органами Следственного комитета сообщений о преступлениях, значительно сократилось количество необоснованных отказов

в возбуждении уголовного дела. Эта работа продолжается и направлена на неукоснительное обеспечение прав граждан»⁴.

Необходимо признать, что отчасти в этих «бравурных» утверждениях есть доля истины. И, безусловно, тот положительный опыт, который выражается в творческом походе многих следователей к исполнению своих должностных обязанностей, заслуживает пристального внимания, обобщения и распространения.

Однако нельзя игнорировать и противоположную ситуацию, связанную с «примитивным» подходом некоторых «профессионалов следствия» к качеству расследований преступлений, связанным с множеством тактических ошибок и процессуальных нарушений, допущенных при производстве следственных действий. Это объясняется тем, что эти так называемые, «следственные ошибки», «являются существенным препятствием на пути к достижению цели уголовного судопроизводства, создают сложности в эффективном выполнении задач уголовного процесса»⁵.

Стоит отметить, что проблемы, связанные с ошибками в уголовном судопроизводстве давно привлекают внимание ученых и практиков, которые обращают внимание на ряд их причин, условий возникновения, предотвращения и исправления,

1 Поздравление Александра Бастрыкина в связи с празднованием Дня сотрудника органов следствия Российской Федерации. Следственный комитет Российской Федерации <http://sledcom.ru/news/item/950012> [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (дата обращения: 21.10.2016).

2 25 июля - День сотрудника органов следствия РФ. Поздравление руководителя следственного управления СК России по Владимирской области А. В. Еланцева с профессиональным праздником // Новости Следственного комитета РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sledcomrf.ru/news/247368-25-iyulya---den.html> (дата обращения: 21.10.2016).

3 Г. А. Зюганов поздравляет с Днем работников следственных органов. Коммунистическая партия Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kprf.ru/party-live/cknews/157231.html> (дата обращения: 21.10.2016).

4 Поздравление Александра Бастрыкина в связи с празднованием Дня сотрудника органов следствия Российской Федерации. Следственный комитет Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sledcom.ru/news/item/950012> (дата обращения: 21.10.2016).

5 Назаров А. Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса. Учебное пособие / Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 2000. – С. 5.

и достаточно глубоко проанализированы в юридической литературе⁶.

Вместе с тем, как отмечал выдающийся отечественный криминалист Р. С. Белкин, во-первых, «односторонность и неполноту расследования нельзя объяснять исключительно следственными ошибками... В большей своей части это – результат не ошибок, а упущений следователей (неисследованность события преступления, недостаточное исследование виновности обвиняемого, незаконные решения о приостановлении или прекращении уголовного дела и т.п.)»⁷, и, во-вторых, «односторонность и неполнота расследования, не говоря уже о существенном нарушении уголовно-процессуального закона, не являясь специфическими признаками ошибки»⁸.

В ходе осуществления полномочий защитника обвиняемых по уголовным делам автору настоящей статьи неоднократно приходится участвовать в следственных действиях при расследовании различных категорий преступлений, знакомиться с материалами уголовных дел, и дальнейшем их рассмотрении в судах, что позволило сделать следующий вывод.

По нашему мнению, тому, что некоторые недобросовестные следователи «неправильно понимают интересы службы» и свое предназначение в уголовном процессе, во многом способствует ненадлежащая оценка деятельности следователя по уголовным делам и отсутствие какого-либо адекватного реагирования на выявленные нарушения со стороны руководителей следственных органов, прокуроров и судов.

Начнем с того, что наш опыт работы по уголовным делам свидетельствует о том, что в некоторых случаях следователи не только не применяют научно разработанных криминалистических рекомендаций при производстве следственных действий, но к тому же умышленно нарушают требования уголовно-процессуального законодательства. Как правило, результатом такого отношения к делу являются ходатайства защитников обвиняемых о признании полученных доказательств недопустимыми.

Чтобы не быть голословным, приведем несколько примеров, которые подтверждают данные выводы.

Некоторое время назад автору пришлось осуществлять защиту гражданина А., который обвинялся в сбыте наркотических средств. Уголовное дело было возбуждено по результатам проверочной закупки.

Изучая материалы дела, мы обратили внимание на некоторые детали, содержащиеся в оперативно-служебных документах, составленных оперативными сотрудниками в ходе и по результатам данного оперативно-розыскного мероприятия, которые затем были использованы в доказывании.

В деле имелся акт передачи денежных средств покупателем наркотика, который действовал по поручению оперативных сотрудников. Содержание данного документа свидетельствовало о том, что ему были переданы денежные средства для приобретения двух разовых доз героина.

Однако из акта добровольной выдаче наркотических средств, составленного после реализации оперативного замысла, значилось, что покупатель после совершения сделки с продавцом добровольно выдал оперативным сотрудникам лишь одну дозу.

Допрашивая покупателя в качестве свидетеля в суде, мы задали ему вопрос о том, куда он дел вторую дозу. Был получен ответ о том, что он употребил ее внутривенно, пока шел от продавца до того места, где находились ожидавшие его оперативные сотрудники. При этом свидетель также пояснил, что сделал это с согласия оперативных сотрудников взамен на оказание «услуги» по изобличению наркосбытчика.

После этого являвшийся организатором проверочной закупки оперативный работник также был допрошен, и, как не странно, подтвердил, что действительно разрешил покупателю вторую приобретенную дозу героина использовать для собственных нужд.

На наш вопрос о том, кто уполномочил его таким образом распоряжаться бюджетными деньгами, выделенными на оперативно-розыскную деятельность, свидетель возмущенно ответил: «Если бы знали, как трудно раскрывать такие тяжкие преступления, то подобных вопросов не задавали».

По всей видимости, оперативный уполномоченный действительно был уверен в своей правоте, и даже мысли не допускал, что он в вышеуказанном случае сам совершил преступление.

Однако вернемся к результатам допроса покупателя. Отвечая на вопросы по обстоятельствам своего участия в оперативно-розыскном мероприятии, он также пояснил, что употребил приобретенный в ходе проверочной закупки героин внутривенно с помощью шприца, который имел при себе. Между тем, из акта досмотра этого свидетеля, составленного оперативными сотрудниками перед тем, как направить его к продавцу значилось, что при нем ничего нет.

Кому верить - покупателю или оперативным сотрудникам? Даже имея при себе шприц, употребить сухую фракцию смеси, в составе которой находится героин, невозможно. Напрашивался вывод: либо покупатель «употребил наркотик внутривенно» в автомашине оперативных сотрудников в их присутствии, либо они позволили сделать ему в другом месте.

Мы поделились своими сомнениями в достоверности исследуемых доказательств и их допустимости при изложенных обстоятельствах.

Однако суд эти противоречия между имеющимися доказательствами по делу проигнорировал. Не принял суд во внимание и тот факт, что в основу приговора он включил ссылку на показания свидетеля, который во время проведения оперативно-розыскного мероприятия и документировании его результатов находился в состоянии наркотического опьянения и не мог адекватно реагировать на происходящее вокруг и правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела.

Стоит добавить, что возражая против нашего ходатайства о признании недопустимыми доказательств, сформированных представителем прокуратуры – государственный обвинитель ответил, что не усматривает никаких нарушений, оперативные сотрудники действовали в рамках Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

6 См., например: Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2001. – 240 с.; Карагодин В. Н., Морозова Е. В. Криминалистические проблемы обнаружения и устранения следственных ошибок: Учебно-практическое пособие. – Екатеринбург: Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2003. – 22 с.; Назаров А. Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса. Учебное пособие / Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 2000. – 256 с.; Морозова Е. В. Криминалистические проблемы следственных ошибок: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Екатеринбург, 2004. – 174 с. и др.

7 Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2001. – С. 174-175.

8 Там же. – С. 166.

Таким образом, на очевидное нарушение действующего законодательства со стороны работников органа дознания и суд, и прокуратура просто «закрыли глаза»⁹.

Не менее показательны в плане оценки прокурорами и судьями «упущений», допущенных следователями, уголовное дело, участвуя в котором автор защищал в суде первой инстанции подсудимого А., обвиняемого в убийстве одного человека и покушении на убийства еще двух¹⁰.

Поскольку в ходе предварительного следствия в уголовном деле участвовал другой адвокат, наши выводы о качестве расследования и оценка собранных доказательств складывались исключительно по результатам изучения материалов, имевшихся в деле.

В частности, в материалах дела имелись протоколы предъявления обвиняемого А. для опознания двум выжившим потерпевшим (назовем их Б. и Г.).

В отношении обоих протоколов нами были заявлены ходатайства о признании их недопустимыми доказательствами и исключении их из перечня доказательств по следующим основаниям.

В предварительно допрошенный потерпевший Б. с уверенностью заявил, что сможет опознать человека, нанесшего ему удар ножом, «по лицу и волосам». Однако в ходе опознания, вместо обвиняемого А. он, как на человека, совершившего преступление, указал на другое лицо - одного из статистов.

Не смотря на то, что доказательственное значение предъявления для опознания было утеряно, следователь, очевидно пытаясь «исправить положение», сразу же после неудавшегося опознания еще раз допросил Б., из показаний которого уже следовало: «Я не опознал А., так как раньше у него были длинные волосы».

Но даже если бы Б. и опознал А., как преступника, у стороны защиты также был повод заявить ходатайство о признании протокола предъявления для опознания недопустимым доказательством.

В соответствии со статьей 193 Уголовно-процессуального кодекса РФ опознающие предварительно допрашиваются не только об обстоятельствах, при которых они видели предъявленное для опознания лицо, но и о приметах и особенностях, по которым они могут его опознать. Если опознающий указал на одно из представленных ему лиц, то опознающему предлагается объяснить, по каким приметам и особенностям он опознал данное лицо.

Здесь следует заметить, что, говоря о приметах и особенностях опознаваемого, законодатель, вероятнее всего, имел в виду признаки анатомических элементов внешности этого лица (причем, относящиеся согласно терминологии, используемой в криминалистической габитоскопии, к собственным – неотъемлемо принадлежащих человеку) и позволяющих идентифицировать его по этим признакам внешности.

Однако «лицо и волосы», по которым потерпевший изначально намеревался опознать преступника – это не приметы и особенности. Это элементы внешности, которые присущи любому человеку, а не идентифицирующие его признаки.

Конечно, нельзя винить потерпевшего в том, что он не назвал примет и особенностей, по которым мог бы опознать другого человека. Он не изучал криминалистику, не обладает познаниями в такой области криминалистической техники, как габитоскопия, чего не скажешь о следователе, который

по роду своей профессиональной деятельности, в отличие от потерпевшего, просто обязан обладать такими познаниями и применять их на практике. Он должен был в ходе допроса выяснить у потерпевшего, что такого «особенного» ему запомнилось в лице или волосах (прическе) лица, которое он намерен опознать.

Второму потерпевшему Г. по данному уголовному делу обвиняемый А. предъявлялся по фотографии. В этом случае основанием для признания результата опознания недопустимым доказательством явилось то, что Г. вообще предварительно перед опознанием не допрашивался, а протоколе предъявления для познания также нет упоминаний ни о каких приметах и особенностях, по которым он опознал А., как лицо, причинившее ему телесные повреждения.

Возникает вопрос: неужели следователь не знал, что в соответствии со ст. 75 УПК РФ «доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса»?

Как показывает практика, нарушения следователями требований, предъявляемых к предъявлению для опознания, установленным законодателем, не единичны. Однако суды исключают результаты таких опознаний из перечня доказательств по делу крайне редко.

О ненадлежащем качестве расследования рассматриваемого уголовного дела и отсутствии реакции государственных обвинителей и судов на допущенные следователями нарушения требований уголовно-процессуального законодательства свидетельствуют и оценка результатов допросов свидетелей по данному делу.

К слову сказать, стороной обвинения к вызову в суд были заявлены свидетели в количестве 31 человека, но ни один из них в судебное заседание не явился. Суд, вопреки мнению стороны защиты огласил их показания, в результате чего выяснилось следующее.

Как оказалось, ни один из свидетелей не был очевидцем преступления. В показаниях одних значилось: «Кто-то сказал, что порезали пассажиров, и я понял, что это мог сделать А.» В связи с невозможностью допроса данных свидетелей источник их осведомленности остался не выясненным. В частности, не было установлено, кто именно им сказал, что порезали пассажиров, и на чем основаны их выводы о том, что это мог сделать именно А.

Здесь следует учесть, что в соответствии с вышеупомянутой ст. 75 УПК РФ «показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности» относятся к недопустимым доказательствам.

Другие свидетели ссылались лишь на потерпевшего Г., как на источник своей информированности о том, что преступление в отношении него совершил А.

Однако, как следует из материалов дела, сам Г. узнал фамилию обвиняемого А. гораздо позже, чем об этом слышали от него свидетели. Данные противоречия в показаниях также не были судом устранены в связи с невозможностью допроса данных свидетелей в суде.

Как должен в этом случае поступить суд, следуя принципу презумпции невиновности, в соответствии с которым все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, предусмотренном УПК РФ, толкуются в пользу обвиняемого? По всей видимости, ответ очевиден.

9 Архив Калининского районного суда г. Тюмени, уг. дело № 02835.

10 Архив Ярковского районного суда Тюменской области, уг. дело №1-2/2015.

И снова возникает вопрос: а неужели следователь еще на стадии досудебного производства не мог устранить эти противоречия или конкретизировать источники информации, имеющейся у свидетелей, допросив их более подробно?

В защитительной речи по данному делу нами было обращено внимание суда и на другие «недоработки» и «просчеты» следователя.

Так, например, в ходе осмотра места происшествия был обнаружен нож, которым, по мнению стороны обвинения, были причинены телесные повреждения потерпевшим. Однако по каким-то неизвестным причинам этот нож не был предъявлен для опознания ни потерпевшим, ни свидетелям. Не была назначена медико-криминалистическая экспертиза с целью ответа на вопрос: «Этим ли ножом причинены телесные повреждения потерпевшим?». Также не была проведена и биологическая экспертиза с целью установления наличия или отсутствия крови потерпевших на указанном ноже.

И, кроме того, обвиняемый А., который, по мнению стороны обвинения, совершил указанное преступление, не был предъявлен для опознания ни одному из свидетелей.

А как должен был оценить суд результаты работы следователя еще по одному из дел¹¹, по которому уже другой гражданин (назовем его Д.) обвинялся в убийстве двух человек?

Следствие по данному делу длилось 8 месяцев. Дважды, заявляя перед судом ходатайства о продлении срока содержания обвиняемого под стражей, следователь обосновывал их необходимостью назначить дактилоскопическую экспертизу с целью установления наличия или отсутствия следов папиллярных узоров, принадлежавших обвиняемому, на орудии убийства.

Оба раза в судебном заседании на наш вопрос, почему такая судебная экспертиза не была назначена ранее, следователь отвечал, что он «утерял» дактилоскопическую карту обвиняемого. Вот так просто обвиняемый стал заложником «рассеянности» следователя.

А вот еще одно дело, ярко иллюстрирующее существование рассматриваемой проблемы.

В процессе расследования уголовного дела по факту убийства один из обвиняемых (назовем его О.) и я, как его защитник, неоднократно сообщали следователю о применении к нему физических методов воздействия (пытках) со стороны оперативных сотрудников полиции в помещении подразделения уголовного розыска УМВД по Тюменской области, куда он вывезлся из изолятора временного содержания, а в последствии из следственного изолятора, для проведения следственных действий.

Опасаясь за свое здоровье, О. письменно уведомил следователя о том, что отказывается участвовать в следственных действиях, проводимых за пределами места его содержания.

Однако на все ходатайства, заявления и жалобы следователь отвечал, что он является процессуально самостоятельным лицом и сам определяет место проведения следственных действий. В связи с этим решения, действия и бездействие следователя, связанные с игнорированием ходатайств стороны защиты, обжаловались руководителю следственного органа, в органы прокуратуры, а также в суд.

Один из прокуроров, участвующих в судебном заседании по рассмотрению жалобы на незаконные действия следователя и оперативных сотрудников, заявил, что проведение следственных действий в местах содержания лиц под стражей, является нарушением действующего законодательства. Однако

наш встречный вопрос о том, с чем связано нежелание следователя допрашивать подсудимых в своем служебном кабинете и необходимость проведения следственных действий в помещении оперативного подразделения органа внутренних дел, остался без ответа.

В свою очередь, судья, который должен был дать оценку действий следователя, не выполнившего законное требование стороны защиты об обеспечении безопасности обвиняемого, в постановлении об отказе в удовлетворении жалобы констатировал: «...Обеспечение безопасности обвиняемого О., а также предупреждение и пресечение незаконных методов воздействия на него со стороны сотрудников уголовного розыска УМВД России по Тюменской области с целью понуждения к изменению показаний и отказу от адвоката А. С. Сидорова, как от защитника по уголовному делу, - в полномочия следователя не входит...».

То есть можно предположить, что на вопросы о том, «кто виноват, в том, что обвиняемый подвергся незаконным методам ведения следствия?» и «что делать в подобных случаях?» мы получили ответ, что виноватых нет и делать ничего не надо, т.к. бесполезно.

И, наконец, в завершение наших рассуждений приведем еще один, как нам кажется, интересный пример бездействия следователя, оставшегося безнаказанным.

Тобольским районным судом Тюменской области был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ, гражданин Т.¹² Поводом для его привлечения к уголовной ответственности явилась дорожная ситуация, связанная с тем, что на автомобильной трассе Тюмень – Сургут потерпевшая П., управляя легковым автомобилем, выехала на полосу встречного движения, и, допустив столкновение своего автомобиля с двумя другими автомобилями, погибла. По мнению стороны обвинения, Т., также управляя легковым автомобилем, в результате обгона грузового автомобиля, двигавшегося в попутном направлении, выехал на полосу движения П., чем создал помеху движению автомобиля потерпевшей.

Вместе с тем, в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства сторона защиты неоднократно настаивала на необходимости проверки следующих версий:

- о нарушении Правил дорожного движения самой потерпевшей или другими участниками дорожного движения;
- о возможности возникновения столкновения автомобиля, которым управляла потерпевшая, с другими автомобилями в связи с технической неисправностью транспортных средств – участников ДТП;
- о том, что дорожно-транспортному происшествию могли способствовать внешние условия на участке ДТП, техническое состояние дороги и т.д.;
- о том, что дорожно-транспортному происшествию могло способствовать неудовлетворительное психофизиологическое состояние водителей транспортных средств – участников дорожно-транспортного происшествия.

Поскольку следователь изначально никаких мер, направленных на проверку данных версий не предпринимал, нами были заявлены ходатайства о назначении судебной экспертизы дорожно-транспортного происшествия, судебной автодорожной экспертизы, судебной экспертизы технического состояния транспортных средств – участников ДТП (автотехническую экспертизу), комплексной судебно-медицинской, психофизиологической и инженерной экспертизы психофизи-

11 Архив Тюменского областного суда, уг. дело № 2-52/13.

12 Архив Тобольского районного суда Тюменской области, уг. дело № 01-39/2013.

зиологического состояния потерпевшей и других участников дорожно-транспортного происшествия.

В соответствии со ст. 159 УПК РФ следователь обязан рассмотреть каждое заявленное по делу ходатайство. При этом обвиняемому и его защитнику не может быть отказано в производстве экспертизы, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела.

Не смотря на это, следователь отказал в удовлетворении указанных ходатайств.

Позже, допрашивая следователя в суде, мы пытались выяснить у него, на каком основании он принял решение об отказе в удовлетворении заявленных ходатайств.

В ответ суд услышал следующее: «Я не посчитал нужным этого сделать потому, что я лучше других следователей разбираюсь в автомобилях и поэтому являюсь специалистом в этом вопросе. Именно в связи с этим «меня и поставили» расследовать дела о дорожно-транспортных происшествиях. Осматривая автомобили, столкнувшиеся в результате ДТП, я увидел, что в техническом состоянии все эти автомобили были исправны». И это при том, что по внешнему виду одного только автомобиля потерпевшей было видно – он восстановлению вряд ли подлежит.

В связи с этим возникают новые вопросы: «А может быть действительно, зачем назначать по уголовным делам какие-то там экспертизы, использовать специальные познания в науке, технике искусстве или ремесле, раз сами следователи – специалисты «широкого профиля»?

К сожалению, перечисленные выше случаи не единичны. Практикующие юристы могут вспомнить десятки и даже сотни подобных примеров.

Конечно, можно было бы «списать» все «безобразия», о которых шла речь выше, на неопытность следователей. Но не получается.

Все следователи в период расследования преступлений занимали должности старших следователей (а расследовавшие дела об убийствах – еще имеют приставку «по особо важным делам»), все имеют высшее юридическое образование и стаж работы по специальности более десяти лет.

Иногда можно услышать, что проблема заключается в низком качестве профессионального образования, формализме при отборе кадров для работы в органы следствия, высокой нагрузке на следователей, отсутствии надлежащего стимулирования их труда и т.д.

Конечно же, эти проблемы существуют. Вместе с тем, главная причина низкого качества расследования преступлений, по нашему мнению, заключается совсем в другом.

Как представляется, руководители следственных подразделений, прокуроры и даже судьи, не всегда должным образом контролируют и надзирают за деятельностью следователя. Вместо того чтобы обязывать следователя своевременно исправлять выявленные нарушения, они, наоборот, стараются прикрыть очевидные его недоработки, по всей видимости, преследуя какой-то свой ведомственный интерес. По всей видимости, предположение о том, что «если судьи начнут всерьез разбирать дела и оправдывать обвиняемых, получится, что следствие работает «вхолостую», а кроме того, незаконно обвиненные смогут в массовом порядке требовать компенсаций»¹³, недалеко от истины.

В связи с этим приведем еще одну выдержку из интервью руководителя Следственного комитета А. И. Бастрыкина корреспонденту «Российской газеты»: «Сейчас контроль за следствием практически удвоен, и это хороший фильтр для очистки правосудия от заказных и прочих грязных дел. Во-первых, действуют подразделения собственного процессуального контроля. Далее по Конституции высшим органом надзора за законностью в стране является Генеральная прокуратура. Она активно ведет надзор за следствием, у нее для этого много возможностей. Если прокурор усомнится в «чистоте» какого-либо дела, он может внести представление, и руководитель заподозренного следователя обязан провести соответствующую проверку. Прокурор может не утвердить обвинительное заключение и даже отказаться от обвинения в суде».¹⁴

Многообещающее утверждение. И, возможно, обычный гражданин, не знакомый с «кухней» предварительного расследования, примет его за истину, и даже проникнется уважением к представителям закона. Однако, как показывает наш опыт, небольшая часть которого упомянута в настоящей статье, это утверждение, к сожалению, не соответствует реальному положению дел.

По всей видимости, не случайно Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем послании Федеральному Собранию призвал «шире использовать инструменты контроля за качеством следствия», «активнее использовать» отказ от утверждения обвинительного заключения и от поддержки обвинения в суде¹⁵.

И пока «пожелание» Президента не найдет отклика среди должностных лиц, «надзирающих и контролирующих инстанций», не станет действительностью, заметного улучшения качества расследования преступлений в обозримом будущем, ожидать, по всей видимости, не стоит.

Пристатейный библиографический список

1. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2001. – 240 с.
2. Карагодин В. Н., Морозова Е. В. Криминалистические проблемы обнаружения и устранения следственных ошибок: Учебно-практическое пособие. – Екатеринбург: Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2003. – 22 с.
3. Назаров А. Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса. Учебное пособие / Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 2000. – 256 с.
4. Морозова Е. В. Криминалистические проблемы следственных ошибок: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Екатеринбург, 2004. – 174 с.

международной научной конференции «Модернизация экономики и общества» 4 апреля 2012 год. // Экономика, право и доверие Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/50478200.html> (дата обращения: 21.10.2016).

- 14 Следствие с чистого листа: интервью руководитель Следственного комитета России Бастрыкина А. И. «Российской газете». // Российская газета - Федеральный выпуск №4633 (0). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2008/04/09/sledstvie.html> (дата обращения: 21.10.2016).
- 15 Послание Президента Федеральному Собранию // Президент РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 21.10.2016).

13 Из доклада научного руководителя Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге Вадима Волкова на Втором пленарном заседании XIII Апрельской